

ЧТОБЫ как-то удовлетворить любителей сравнений, скажем, что разговор этот напоминал ту сцену из знаменитого романа Александра Дюма, где, помните, мушкетеры любезно обмениваются дружескими уколами шпагой на лестнице перед кабинетом капитана де Тревиля.

В роли д'Артаньяна, конечно, выступал Михаил Боярский, а в качестве скромных статистов, без которых, впрочем, и бесстрашному гасконцу не на ком было бы продемонстрировать свое великолепное искусство владения клинком, — два корреспондента, то есть мы.

Итак, корреспонденты пробуют наступать и делают первый робкий выпад:

— Когда вы прочитали «Трех мушкетеров»?

— В четвертом или пятом классе — точно не помню.

— С тех пор, наверное, не раз перечитывали?

— Как вам сказать... В общем-то моя собственная личность не очень занимает. К себе я отношусь иронически. Меня больше волнуют вопросы философского, что ли, характера. То, что принято называть вопросами о смысле жизни.

Ведь то, чем я сейчас занимаюсь в сущности — суета сует. Ну сколько это может продолжаться? Ну двадцать, ну тридцать лет... А у меня, между прочим, сын растет. Какой мир останется ему после нас — вот в чем вопрос.

Увы, у меня не всегда достает мужества отказаться от заманчивых предложений, даже если они связаны (повторяю, для меня) с некоторыми внутренними компромиссами.

— ПОГОВОРИМ об эстраде. Сейчас на ее подмостках властно заявило о себе авторское исполнение песен. Как вы его оцениваете?

А в зале — другое. Там можно разглядеть, что за человек певец, что его волнует и почему он, собственно, поет?

— **Перед тем, как исполнять новую вещь, показываете ли вы ее друзьям, родным? Чтобы, как говорится, угадать будущую реакцию зала. Может, подсказат что?**

— Никогда. Ответы на все вопросы стараюсь искать в себе. Во всяком случае, если речь идет о творчестве.

— **В последнее время на улицах нередко можно встретить молодых людей, самозабвенно слушающих музыку через наушники портативных магнитофонов и как бы отгородившихся от действительности. Некоторые осуждают это явление, другие же...**

— Я скорее принадлежу к этим другим. Почему? Потому что стараюсь относиться уважительно к чужому стилю поведения, даже если сам не собираюсь ему следовать. Единственное условие — чтобы названный стиль никому не мешал, не наносил ущерба другим.

— У ЧИТАТЕЛЯ может сложиться впечатление, будто мы забыли, что вы являетесь актером Театра имени Ленсовета. Давайте с эстрадных подмостков ступим на театральные. С чего, собственно, началось?

— С музыки. Сначала — музыкальная школа при консерватории, а до этого — два года фортепьянных занятий и одновременно увлечение современной музыкой. После окончания школы два месяца готовился в театральный. Поступил. Учился в институте, играл в ансамбле, был солистом. Оказался перед выбором: драматический театр или эстрада? Выбрал театр, решил: надежнее.

Попал в такой театр, где, что ни спектакль, нужно петь, играть на гитаре. Крупное повезло — мне посчастливилось быть партнером Алисы Бруновны Фрейндлих. К таким же удачам отношу и встречу с композиторами Геннадием Гладковым и Максимом Дунаевским.

Потом — первые съемки в кино, которое тоже стало обращаться, а вернее, вновь обратилось к жанру «музыкала». Заклучим это слово в кавычки, потому что до сих пор никто твердо не ответит, что же снимают: мюзикл, фильм с музыкальной или музыку с фильмом.

На мой взгляд, после «Волги-Волги» и «Веселых ребят» удач подобного масштаба не наблюдалось.

— К чему вы подошли на данном этапе вашей актерской карьеры?

— До сегодняшнего дня моя актерская судьба вроде складывалась счастливо. Мне было выдано достаточно много авансов, вконец, разумею, в творческом смысле... Можно прийти на студию грамзаписи и подать заявку на пластинку, можно попросить в театре сложную роль и более или менее определенно рассчитывать, что не откажут.

И в то же время становится немного страшно. Одно дело — из плохого сделать хорошее. Вытянуть слабый песенный текст, найти новые краски для неудачно написанной роли. И другое дело — когда, к примеру, говорят: «Вот тебе Гамлет, играй!..». Тут и проверяется, чего ты стоишь на самом деле!

...В этом диалоге, который мы в самом начале сравнили с эпизодом из «Трех мушкетеров», победило время. Через несколько секунд на эстраде Дворца спорта в Лужниках объявят выход Михаила Боярского.

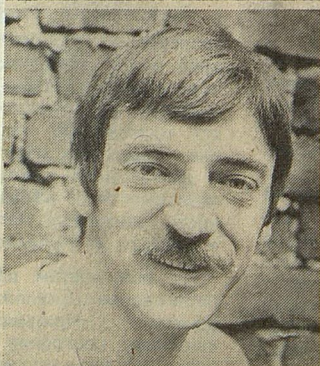
д'Артаньян берет в руки гитару и ретируется на сцену.

Беседу вели И. ИРТЕНЬЕВ, С. ГОШИН.

Воскресные ВСТРЕЧИ МК

С МИКРОФОНОМ И ШПАГОЙ

У нас в гостях артист театра и кино Михаил БОЯРСКИЙ



— Знаете, нет. Но я их хорошо проштудировал тогда. Вместе с друзьями разыгрывал понравившиеся страницы. Помню, я здорово наловчился делать шпаги из елок. После Нового года их во множестве выкидывали во двор. Я подбирал елки, обрезаю все ветки, начиная с макушки, а последнюю оставлял и загибал: получалась отличная гарда. Вооружившись этими самодельными шпагами, мы проводили ожесточенные бои.

— Скажите, Михаил, насколько ваш экранный и эстрадный образ соответствует тому человеку, который существует в жизни? Может быть, вы совершенно другой?

— Скорее всего. Даже наверняка другой. По правде, мне трудно оценивать себя со стороны. Естественно, я могу сторонним взглядом наблюдать за собой на экране, но объективно посмотреть на себя реального, к сожалению, не могу.

— **Думаете ли вы как актер о своем будущем? Лет через десять, скажем, пятнадцать вам будет уже непросто лазать по веревочным лестницам и драться на шпагах.**

— Любый разумный человек строит прогнозы. Конечно, ловкость и стремительность со временем исчезают, но появляются зрелость, внутренняя сила, опыт.

Скрывать приметы надвигающейся старости — малодушие. Смешно стесняться, что на голове редкуют волосы, и прятать их под париком. Свои недостатки надо уметь превращать в достоинства. Мне кажется, что я мог бы побриться наголо и доказать, что в таком виде я еще интереснее, чем длинноволосый. Во всяком случае, у меня бы хватило на это чувства юмора.

— И все же, что вам нравится в актере Боярском, а с чем вам хотелось бы расстаться?

— Целиком — за. Убежден, что авторское исполнение и есть самое интересное. Если, разумеется, человеку есть что сказать. Потом песню может петь кто угодно, но, когда это впервые делает автор, он сразу дает ключ к трактовке произведения.

— **Понятно, что в идеальной песне должны органически соединяться музыка и текст. Но на практике так бывает далеко не всегда. Позволим себе наивный вопрос — что важнее?**

— К текстам эстрадной песни в настоящее время много претензий, и не только у меня. Некоторые лучше бы и вовсе не слышать. Поэтому при существующем положении вещей главным образом приходится рассчитывать на музыку.

— **А исполнители? Что бы вы могли сказать о них?**

— На эстраде сейчас выступает много неудавшихся оперных певцов, что плохо как с точки зрения эстрады, так и с точки зрения оперы. Это как если бы плохо играющий в хоккей человек вдруг подался бы в фигурное катание, не думая о разнице в специфике.

Короче, нельзя исполнять современную эстрадную песню, пользуясь теми же средствами, что и при исполнении арии Торедора.

— **Очевидно, у вас как у исполнителя сложились и определенные взгляды на публику в зале. Она тоже ведь разная. Какой зритель для вас предпочтительнее?**

— Больше всего мне нравится зритель, наделенный чувством юмора, свободный и раскованный. Раскованный, разумеется, до определенных пределов — экзальтация меня раздражает.

Я говорю «зритель» еще и потому, что мне кажется: сейчас больше ходят смотреть на певца, чем его слушать. Дома почти у каждого есть проигрыватель, магнитофон. Купил пластинку — и слушай себе.